

Цин Сюн небрежно схватил Хунцзюня, стащил его со спины и слегка пощекотал его. Юноша от души захохотал. Цин Сюн приказал Хунцзюню встать ровно, а затем спросил его:

— Снова шалишь?

Юноша запачканной от сажи рукой погладил лицо мужчины. Хунцзюнь, посмотрев, как забавно теперь выглядит Цин Сюн, показал на него пальцем и принялся безудержно смеяться. Это сбило мужчину с толку, и Хунцзюнь начал рассказывать о произошедшем в мельчайших подробностях. Услышав о потерявшем самообладание Чун Мина, Цин Сюн тоже не сдержался и посмеялся.

Какое-то время они оба хохотали, пока Хунцзюнь строгим голосом не спросил:

— Что ты принес для меня на этот раз? Давай же!

— Ничего, — ответил Цин Сюн.

Хунцзюнь не поверил ему и тут же принялся обыскивать его. Обычно Цин Сюн ходил полуобнаженным, и у него имелось только два кармана, куда можно было что-то положить. Юноша не собирался сдаваться и попытался выудить хоть что-нибудь, но Цин Сюн клятвенно сказал:

— У меня действительно ничего нет.

— Ни книг, ни еды, — расстроился Хунцзюнь.

— В прошлый раз я принес тебе несколько легенд, неужели ты все прочитал? — усмехнулся мужчина.

— Я так много листал их, что все они уже поистрепались, — ответил юноша.

Увидев разочарованное выражение лица Хунцзюня, Цин Сюн не удержался и решил поддразнить его. Он спросил:

— Где твой домашний Чжао Цзылун?

— Он здесь, — крикнул юноша, и карп яо чуть подпрыгнул.

Пять лет назад в горах Тайханшань Хунцзюнь случайно нашел этого полукарпа-получеловека, чья попытка стать человеческим существом провалилась, и решил приютить его. Позже Цин Сюн принес ребенку несколько легенд о героях эпохи Троецарствия. Мальчишка был так восхищен, что назвал своего нового друга «Чжао Цзылуном» и поклялся, что тот перескочит врата дракона и станет золотым драконом.

Чжао Цзылун (кит. 蛟) — полководец, живший в времена поздней династии Хань и в начале эпохи Троецарствия. Считался образцом честности и преданности. Перескочить врата дракона (кит. 蛟门) — добиться успеха, преуспеть. Выражение пошло от легенды, в ней карп, шедший на нерест, столкнулся с водопадом, это были Ворота дракона. Перепрыгнув их, карп превратился в дракона и взмыл в небо. Также это выражение применяют к тем, кто сдал гос. экзамен.

Цин Сюн, словно фокусник, выудил что-то. Между пальцами он держал цепочку, на которой висел камушек. Мужчина помахал им перед Хунцзюнем.

— Что это такое?! — удивленно спросил юноша.

Это оказался маленький и изысканный кулон на золотой цепочке. Лазурит, обрамленный металлом. В центре находился маленький хрустальный шарик, внутри которого едва различимо горел мягкий белый свет, словно это украшение было лампой. Двор осветило, когда Цин Сюн протянул кулон. Великолепие этого украшения ничем не уступало сияющему в небе солнцу.

— Оставляю его на твое попечение, — Цин Сюн положил кулон на ладонь Хунцзюня. Сложив цепочку, он сказал. — Я больше не буду беспечно учить тебя пользоваться волшебными артефактами, иначе твой отец снова будет ругаться на меня.

Получив изящную игрушку, Хунцзюнь тут же захотел хорошенько рассмотреть каждую ее деталь. Юнона кивнул.

— Не сломай, — наказал Цин Сюн. — Этот кристалл очень хрупкий, позже я расскажу тебе, как им пользоваться.

Хунцзюнь что-то быстро ответил и ушел с кулоном в руке.

— Ему уже шестнадцать.

Чун Мин пил чай, когда Цин Сюн вошел в боковую залу. Цин Сюн сел за стол и посмотрел на Чун Мина.

— Сегодня он снова доставил мне неприятностей, и я наказал его со всей строгостью, — безразлично сказал Чун Мин.

— Для молодых это обычное дело, — ответил Цин Сюн. — В прошлом мы с тобой и Кун Сюанем тоже проказничали.

— Он еще не готов, — сказал мужчина, выгнув бровь.

— Я получил это письмо вчера вечером, — произнес Цин Сюн. — Его прислал человеческий Отдел экзорцизма. Осталось менее четырех лет до нового появления Мары в этом мире. Содержание этого письма призывает юных талантов вернуться в Чанъань. И мне кажется, они должны сделать это, чтобы подготовиться к пришествию Мары через четыре года.

Цин Сюн протянул Чун Мину письмо, но тот даже не взглянул на него. Мужчина потер пальцы друг об друга, и на кончике фаланги поднялся огонек, Чун Мин поднес его к уголку послания. Цин Сюн, не желая уничтожить его, вернул бумагу себе.

— Чун Мин, сейчас яо буйствуют в мире. Наследие Тан в упадке, времени больше не осталось.

Чун Мин повернул голову, что посмотреть Цин Сюну прямо в глаза, а затем, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Не забывай, мы тоже яо.

— Так ты помнишь? — поинтересовался Цин Сюн. — А я думал вы уже позабыли, о, Ваше Величество повелитель яо.

Чун Мин мгновенно напрягся, словно внутри его вспыхнуло бушующее пламя. Он грозно нахмурился. В глазах его горела ярость, когда он смотрел на Цин Сюна.

В кабинете Хунцзюнь сначала попытался вскрыть кулон двумя метательными ножами, потом в ход пошли ножницы, но он так и не смог разобрать металлические механизмы на украшении. В конце концов он ударил по нему молотком так сильно, что на лбу выступил пот, но юноше так и не удалось извлечь кристалл из обрамления.

— А-а-а! — Хунцзюнь поднял бронзовый сосуд и собирался разбить им кулон.

— Зачем ты делаешь это? — спросил карп, стоя в стороне. — Его Величество Цин Сюн приказал не ломать его.

— Я просто хочу вытащить камень и вставить с рукоять своего ножа, — ответил Хунцзюнь.

— Свет внутри него очень необычный.

Карп забрался на стол, встал на книгу и лег на живот. Свет из кулона отражался в его рыбьих глазах.

— Снаружи обрамлен кругом чар, — сказал Хунцзюнь, осмотрев украшение. — Что это такое? Оно нужно для запечатывания? Этот свет такой приятный.

— Мне тепло даже когда я смотрю на него, — заметил карп. — Я чувствую себя гораздо лучше.

Хунцзюнь взял кулон и сказал:

— Пойдем спросим у Цин Сюна.

— Твое наказание еще не закончилось! — напомнил яо, но взбудораженный юноша уже ушел с кулоном в руках.

Кроваво-красное заходящее солнце проходило над горами, крики птиц волнами слетали с вершин, купающихся в закатном свете.

Дойдя до бокового зала, Хунцзюнь услышал звуки ожесточенного спора, что доносился из комнаты. Испугавшись, юноша спрятался за колонной.

— Этот черный Цзяо не заслужил своего статуса, он никогда не станет властителем всех яо! Он рептилия, вылезшая из канализации, как он может быть достоин?

— Но мы проиграли в войне, и это неоспоримая истина! — тихо сказал Цин Сюн. — Если мы не вернемся, чтобы окончательно уничтожить его, Мара, возродившись, возьмет яо под свое командование, и тогда весь человеческий мир погрузится в бездну страданий.

— А мне какое дело до их погружений в бездну?! — взорвался Чун Мин. — Люди алчные, ради денег забывают доблесть, они все просто неблагодарный сброд! Они забрали лаосаня, а потом

на двенадцать лет скинули на меня заботу о его сыне от какого-то человека! Почему я вообще должен растить сироту, у которого по венам бежит человеческая кровь?!

— Он все еще сын Кун Сюаня! — тихо, но с упреком отметил Цин Сюн. — Неужели ты не чувствовал вины, когда Кун Сюань умер?!

— О какой вине ты говоришь?! — голос Чун Мина походил на звериный рев. — Если бы этот человек не послужил причиной смерти Кун Сюаня, разве сейчас бы Хунцзюнь рос без отца и матери?!

— Есть неблагодарные люди, которые жаждут лишь выгоды, но есть и друзья. Например, Ди Жэньцзе.

— Он-то друг?! — усмехнулся Чун Мин. — Он ничего не сделает для людей! Определенно, нет!

— Кун Сюань был одним из Священных дьяволов, — с дрожью в голосе сказал Цин Сюн. — Хунцзюнь унаследовал его священное пятицветное сияние. Он может уничтожить черного цзяо ради яо, отомстить за отца и убить возродившегося Мару. Более того, даже если он останется здесь навсегда, он все равно рано или поздно узнает правду!

— В день, когда я покинул центральную равнину, я сказал, что более меня не будет волновать, живут яо или умирают, — тихо произнес Чун Мин. — Мара? Я лишь надеюсь, что он поскорее возродится и наконец-то убьет этих проклятых людишек!

— А ты не можешь быть немного честнее?! Чун Мин! — тут Цин Сюн сделал шаг вперед. Мужчину окружила мощная аура, и воздух в зале мгновенно потяжелел. Двое яо смотрели друг на друга, а чашки на столе, постукивая, дрожали на столе. Оконные стекла дребезжали.

Цзяо или Цзяолун (кит. 蛟) — безрогий водяной дракон, глава всех морских тварей, а также тот, кто может вызывать дожди и наводнения. Лаосань (кит. 老三) — третий по старшинству. Чун Мин так назвал Кун Сюаня, ибо тот, как понятно, был третьим по старшинству среди них. Центральная равнина (кит. 中原) — средний и нижний районы реки Хуанхэ, включающие в себя Хэнань, западный Шаньдун, южный Шаньси и Хэбэй. Также это образное название Китая.

Внезапно снаружи слышались шаги. Успокоившись, Чун Мин и Цин Сюн одновременно резко повернулись. Цин Сюн сделал несколько шагов, собираясь догнать свидетеля, но увидел он только удаляющуюся спину Хунцзюня.

— Если бы ты, когда Кун Сюань уходил, лишь раз попросил его остаться, как бы дела обстояли сейчас? — вздохнул мужчина. — Но на прощание ты только и бросил ему «исчезни». С тех пор живые и мертвые навсегда разлучены Небесами.

Сказав это, Цин Сюн покинул дворец, оставив оцепеневшего Чун Мина наедине с сумерками.

Ночью небо усыпали звезды, и звездная река на вершине Тайханшань казалась настоящим водопадом.

Хунцзюнь слышал шаги издалека, но даже не сдвинулся с места, продолжив лежать на

плоском камне у жертвенного утеса. Скала была наклонена так, словно смотрела на обрыв. Не будучи осторожным, в любой момент можно было скатиться в бездонную пропасть.

Цин Сюн взобрался на скалу и лег рядом с Хунцзюнем. Оба молча погрузились в размышления, разглядывая усыпанное звездами ночное небо.

— Это правда? — внезапно спросил юноша.

— Правда или нет, а на этот вопрос ты уже нашел ответ в своем сердце, — ответил мужчина.

Хунцзюнь не смог удержаться и всхлипнул, Цин Сюн поднял руки, собираясь коснуться его глаз, но юноша перехватил его руку и вытер ею свои слезы.

— Отец ненавидит меня? — спросил юноша, задыхаясь от рыданий.

— То, что он говорит, часто разнится с тем, что он думает, — спокойно ответил Цин Сюн. — Не вини его за его слова. Никто в мире не заставит его делать что-то, если он того не хочет. Кулон, что я принес, при тебе?

Хунцзюнь, дрожа, вытащил украшение.

— Ты разве не хотел отправиться в мир людей? — мужчина забрал кулон, и свет внутри вместе со звездами, заполонившими небо, осветил половину горы. Это свечение успокоило юношу.

— Когда бы я ни приходил, ты всегда поднимал шум, прося меня взять тебя в мир людей. Ты уже совсем взрослый, — продолжил Цин Сюн. — И я говорю, да, иди. Зачем бояться?

Сначала Хунцзюнь обрадовался, но, вспомнив Чун Мина, тут же помрачнел. Он ошеломленно уставился на мужчину. Цин Сюн посмотрел на ослепительный кулон и сказал:

— В мире людей есть множество всего, что можно попробовать, а также сделать. Есть красивые женщины, друзья, с которыми можно выпить, музыка, что может путешествовать за десяток ли (5 км), фонари, что не гаснут ни днем, ни ночью. Иди. Иди в безграничный мир смертных, ты не пожалеешь о своем решении.

На следующий день в боковой зале было прибрано.

Хунцзюнь зашел внутрь, три трона перенесли в боковое помещение. Чун Мин сидел на центральном троне, а Цин Сюн — на левом. На лице Чун Мина как и всегда отражалось безразличие.

— Отец! — вскрикнул Хунцзюнь, а после ровно и правильно встал в углу.

— Я не твой отец, — сказал Чун Мин. Голос его звучал так, будто мужчина не испытывал никаких чувств. Юноша, стоя здесь, чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ты... ты — мой отец, — ответил Хунцзюнь.

Чун Мин отвел взгляд, задержал его на третьем пустующем троне.

— Твоего отца зовут Кун Сюань, — глубоким голосом произнес мужчина. — Он, как я и Цин

Сюн, был мудрецом дворца Яоцзинь. Раньше ты уже спрашивал меня, кто сидел на последнем троне. И вот теперь я могу дать тебе ответ. Тот, кому принадлежал этот трон, твой биологический отец. После его смерти Цин Сюн принес тебя во дворец. Теперь же, когда ты вырос, настала пора возвращаться.

— Куда возвращаться? — спросил Хунцзюнь.

— Туда, откуда ты пришел, — беспечно ответил Чун Мин.

— Мое место здесь, — сказал юноша, а потом добавил, — я никуда не пойду.

<http://erolate.com/book/3616/89495>